

ПРОЛОГ

По горячему летнему небу ползли облака.

Мальчик смотрел на них, задрал голову и прищурил левый глаз. Пытался представить, на что может быть похоже вон то мохнатое облако. Вроде бы собачья голова. Да, так и есть. Зубастая пасть, треугольные уши, плоская вытянутая морда. Овчарка, как в фильмах.

— Пап, смотри, собачья голова! — произнес мальчик, не отрывая взгляда от облака.

Папа ничего не ответил. Он был занят делом.

За спиной мальчика, в глубине двора, тревожно заскулил Тузик — черная дворняга, найденная три дня назад на краю поселка. Тузик был мелким, некрасивым и никому не нужным псом. Он постоянно скулил, будто чувял неладное. Мальчику не нравился Тузик. Какой-то неправильный пес.

Бабушка, высунувшись из окна летней кухни, сказала:

— Через пять минут всё будет готово.

Она обращалась к папе, но мальчик тоже кивнул.

Облако в форме собачьей головы проплывало мимо солнца, касаясь его лохматым загривком. Ветер принес запахи. Что-то жарилось.

— Пап, а что будет, если облако врежется в солнце?

— Хрень какая-то будет, — буркнул папа. — Ты бы лучше делом занялся. Пойди Серафиме Львовне помоги.

— А что ей помогать? Не справится?

Тяжелая папина ладонь впечаталась в затылок. Клацнули зубы.

— Ты не хами тут,— наставительно сказал папа.— Дуй живо, спроси, чем помочь можно.

Мальчик нехотя оторвался от разглядывания облаков и, потирая затылок, побежал через двор к летней кухне. Тузик, привязанный к виноградной оградке на короткий поводок, заскулил и попытался убраться с дороги. Мальчик задорно пнул его под зад и засмеялся над разнесшимся по двору коротким противным визгом.

Так и надо чертовой дворняге. Вертится тут под ногами.

Из окна высунулась бабушка, Серафима Львовна. Все ее лицо состояло из морщин, сквозь которые проглядывали крохотные глазки, приплюснутый нос и тонкие потрескавшиеся губы. Кожа на руках потемнела и покрылась множеством темных пятен.

— Зачем животину мучаешь? — спросила она, потом, не дожидаясь ответа, продолжила: — На, дай сожрать. Пес который день не ест. Должен вмиг заглотить.

В широкой ладони у бабушки лежало черное яйцо. От него остро пахло горелым.

— Сожрет? — спросил мальчик с сомнением, хотя сам же кормил месяц назад таким же яйцом другого пса. Тот умял его за обе щеки.

— Не сожрет — затолкаем,— беспечно отозвалась бабушка и подмигнула.

Серафима Львовна немного пугала мальчика. Про себя он называл ее ведьмой и без лишней надобности старался к ней не приходиться. Он бы и сегодня не пришел, но настоял отец. Сказал, что мальчику пора посмотреть, что бывает, когда псы сжирают яйца. Ну вот, похоже, скоро и придется.

КЛАДБИЩЕ ВЕДЬМ

Мальчик взял яйцо.

Во дворе, под тенью винограда, папа возился с топором: насаживал лезвие на массивную рукоять.

Топор был семейной реликвией. Папа любил рассказывать историю, что топор этот сделали еще в те времена, когда и поселка-то не существовало, а боярам бороды не резали и платьев таскать не велели. То есть давно.

С тех пор топор передавали по мужской линии, в наследство. Рукоять гнила, ломалась, приходилось заменять ее на новую. А вот лезвие всегда выглядело так, будто только что было куплено.

— Корми, корми,— пропыхтел папа.

По двору разнесся тяжелый металлический гул.

Мальчик подошел к Тузику. Тот все еще скулил, поджав хвост. Какая всё же бесполезная псина.

— На, жри,— положил перед ним яйцо, добавил мрачно: — А то затолкаем.

Тузика не пришлось долго уговаривать. Он набросился на еду, даже не обнюхав, и проглотил ее в два счета, звонко клацая зубами. Скорлупа и горелые ошметки рассыпались по земле. Вывалился темно-оранжевый кусок желтка, и Тузик стремительно его слизнул, вместе с налипшей пылью.

Мальчику стало противно, и он собрался отойти, но обнаружил, что за спиной стоит отец. В руках он держал топор.

Мальчик догадывался, что произойдет дальше. Не дурак.

В дверях летней кухни появилась бабушка, вытирающая блестящие от влаги руки передником. Оперлась о дверной косяк, с интересом наблюдая.

Отец сгреб Тузика одной рукой, дернул, разрывая поводок. Пес закурился, заскулил, почуяв опасность,

но отец прижал его к боку и понес на задний двор, мимо кухни. Мальчик поспешил следом. Он видел, как бешено мелькают задние лапы пса, расцарапывая отцу кожу на локте.

Дошли до деревянной колоды, на которой бабушка колола дрова для печки. Колода была вся в глубоких и мелких трещинах. Вокруг собрались горки темных опилок.

— Держи! — сухо распорядился отец, придавил коленом пса к колоде и указал рукой на собачью морду. — Крепко держи, чтоб сучонок не дергался.

— Прямо за пасть держать?

— Ну не за яйца же!

Тузик уже не просто скулил, а подвывал.

На лбу отца проступили капли пота.

Мальчик выдохнул, ощущая дрожь в пальцах. Сделал шаг, другой, оказался невероятно близко к распахнутой красной пасти с кривыми зубами, подался вперед и, стиснув обеими руками волосатую морду, ощутил влажность собачьего носа и вязкие сочащиеся слюни.

Пес затрепыхался. Отец надавил коленом сильнее — так, что мальчик расслышал глухой треск костей.

— Тише, тише, — шептал отец, поднимая топор.

Тузик сучил передними лапами, дергал головой — стоило невероятных усилий держать ее. Между зубов пошла желтоватая рыхлая пена.

На мгновение мальчик увидел глаза Тузика. Большие оранжевые глаза, похожие на желток сгоревшего яйца. Они не мигая смотрели в небо.

А затем топор опустился с коротким и тихим: «Вж-жж!»

Что-то громко хрустнуло. Пес резко дернулся и обмяк. Топор поднялся и снова опустился, в этот раз

КЛАДБИЩЕ ВЕДЬМ

погрузившись лезвием в колоду. Внутри Тузика что-то надломилось, голова отделилась от туловища и осталась в руках мальчика. Он так и держал ее за пасть, не в силах оторвать взгляда от стремительно стекленеющих собачьих глаз.

Теплая жидкость обрызгала его голые ноги. Громко рассмеялся отец. Мальчик шевельнул головой. Он всё еще ощущал холодную влажность собачьего носа у себя в ладонях.

— Ну вот ты и взрослый, сынок! — хохотал отец.—
Совсем-совсем, мать твою, взрослый!

Мальчик поднял голову к небу, прищурился левый глаз. Он невероятно сильно хотел отыскать облако в форме собачьей головы. Но небо было голубым и чистым. Без единого белого пятнышка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Грибову на работе хватало проблем, а тут еще позвонила бывшая и сообщила, что случилось страшное.

— Этот алкаш убил маму,— сказала Надя тихим, прерывающимся шепотом.— Ударил топором, говорят, потом подвесил за ноги на веревке в дверном проеме со стороны улицы, чтобы прохожим было видно. Соседи заметили через несколько часов, вызвали полицию. Ты же знаешь, как у них в поселке с полицейскими. А еще дороги замело... Только к утру приехали. Она там болталась все это время. Кошмар какой-то!..

Грибов представил, как бывшая сидит сейчас на кухне их старой квартиры (время — начало десятого утра, дочь уже в школе, в квартире никого, кроме Нади): налила в чашку горячего чая с лимоном, размешала пару кубиков рафинада и туда же капнула валерьянки. Знаменитое средство от депрессии. Надя им часто пользовалась, по поводу и без. Пару лет назад валерьянку заменяла коньяком.

— Надь, для начала успокойся.— Грибов выскользнул из душного и многолюдного офиса в коридор бизнес-центра.— Что надо сделать? Могу съездить после работы, разобраться.

КЛАДБИЩЕ ВЕДЬМ

— Еще как надо. Это же моя мама умерла, понимаешь?

С Надей всегда так. Не видела маму шестнадцать лет. По телефону за это время общалась с ней раз пять — холодно, со взаимными упреками; в Надином голосе постоянно чувствовались злость и обида. А сейчас? Тон такой, словно не было у нее в жизни человека ближе, чем Зоя Эльдаровна.

— А с самим Семенычем что? — спросил Грибов, имея в виду Цыгана, мужа Надиной мамы.

Был это мужичок лет шестидесяти, видный в деревне самогонщик, нагловатый и с каким-то уголовным прошлым. На самом деле звали его Глебом, но кличка Цыган прижилась еще со времен популярного сериала. Глеб Семеныч ходил с пышной черной бородой, носил широкополую шляпу и неизменно курил не сигареты, а папиросы-самокрутки. С Зоей Эльдаровной он познакомился в конце восьмидесятых — перелез как-то к ней через забор по пьяни и попросил погадать, долго ли ему еще одному жить. Тоска Цыгана взяла, домашнего уюта захотел. Надина мама быстро разложила карты и сообщила, что вот оно, счастье, под боком. Цыган долго не думал, начал захаживать в гости, а потом и вовсе остался жить. Так иногда бывает с людьми за сорок — зародилась между ними, может, и не любовь, но крепкая привязанность двух одиноких людей.

— Этот алкаш сдох,— выдохнула в трубку Надя. Было слышно, как она шумно и тяжело дышит.— Туда ему и дорога.

Цыган умер в ванне, рассказала бывшая. Напился, видать, до беспамятства. Когда убил маму, пошел в ванную комнату, включил горячую воду и прямо в одежде в ванну и свалился. То ли сердечный приступ у него

случился, то ли захлебнулся. Точную причину смерти пока не установили. Оба тела увезли в соседний поселок — Знаменский, где находился областной морг.

— Похороны надо организовать. С домом что-то делать,— бормотала Надя.— Кто этим займется? Я одна не потяну, Грибов. Я не выдержу, понимаешь?

— Само собой. Разберемся.

Грибов застыл у окна, в отражении которого разглядел собственную фигуру — худощавый, сутулый, с копной черных волос (не мешало бы, вообще-то, подстричься и побриться нормально). В костюме с галстуком — рабочий дресс-код. Никогда не любил галстуки. Словно удавка на шее.

В голове закрутились тяжелые мысли. Придется снова возвращаться к прошлой жизни, где когда-то были у него жена и дочка, приезжать в квартиру, где он уже три года как не жил, а только заглядывал набегами... Жалко было бывшую. И ничего не поделать, придется разбираться.

Надя спросила тоскливо:

— Как я без мамы-то?

«Ты и раньше без мамы нормально справлялась»,— хотел ответить Грибов, но сдержался. Часто в последнее время приходилось сдерживаться... Вслух сказал:

— У тебя есть дочь. Думай о ней.

— Угу,— сказала Надя и повесила трубку.

2

Первым делом он заехал в поселок Знаменский — крохотный такой поселочек, окруженный лесами и болотами. Подобных ему в Ленобласти сотни, словно

КЛАДБИЩЕ ВЕДЬМ

специально прячущихся от цивилизации. Не было в них ничего примечательного, кроме разве что деревянных домиков без газа, что в двадцать первом веке скорее исключение, чем правило.

Морг ютился на краю больничного комплекса, сразу за роддомом и отделением для туберкулезных больных. На машине туда не пускали, и Грибов побрел сквозь заметенную снегом аллею.

Это было одноэтажное здание, выкрашенное светло-желтой пузырящейся охрой. В наступающих фиолетовых сумерках большие окна светились и подмигивали развешанными изнутри гирляндами.

Внутри морга было стерильно и неприятно. Пахло чем-то дезинфицирующим. Стены и пол коридора были выложены белым пожелтевшим кафелем. Чернели обитые дерматином двери. Грибову стало дурно, он прижал к носу воротник пальто. Приметил, что дальняя дверь приоткрыта. Оттуда доносились приглушенные веселые голоса.

Грибов прошел по коридору, стесняясь гулкого эха своих ботинок, осторожно заглянул в кабинет и обнаружил пожилого врача в распахнутом халате и полицейского. Оба пялились в экран ноутбука, что-то разглядывая.

— А, вот и вы! — сказал врач, черные волосы которого выглядели как дрянной парик. — Кое-кто вас тут заждался! Получите, так сказать, и распишитесь.

— Врачебные шутки. Не обращайтесь внимания, — вставил полицейский. — Ваша жена предупредила, что подъедете. Приносим соболезнования и все такое.

Грибов угрюмо кивнул. Больше его заботило, что домой он вернется не раньше десяти вечера, а завтра с утра на работу. Еще надо успеть принять ванну,

поужинать, добить отчет, который кровь из носу завтра с утра должен улететь к начальнику на стол, а еще бы неплохо футбол посмотреть краем глаза, «Барселона» — «Боруссия». Столько дел, а он стоит тут, как идиот, в каком-то захоластном морге, решает вопросы, совершенно ему неинтересные. Ради чего?

Кругом суета. Тишины бы.

Врач провел Грибова через кабинет в другой коридор (кафель, синий пол под ногами, желтые лампы), словно уводя в глубины страшного и нескончаемого кошмара. Пахло здесь еще омерзительней. Грибов неосознанно втянул голову в плечи, а руки засунул в карманы. Вдобавок становилось холоднее.

— Еще раз примите соблезнования,— сказал врач, не оборачиваясь.— Хорошая женщина была.

— А вы ее знали?

— Многие ее знали. Помогала людям по мелочам. Кому животных вылечит, кого от сглаза спасет. Мою внучку вылечила... Я сам врач, вы же понимаете, но, когда никто на ноги поднять не мог, а Зоя Эльдаровна подняла,— тут без вопросов в любое чудо поверишь.

— Какое чудо? — не понял Грибов.— Вы о чем?

Врач толкнул плечом какую-то дверь, выпуская в коридор яркий белый свет, и жестом предложил Грибову зайти первым.

За дверью оказалось небольшое помещение без окон (снова кругом кафель!), вдоль стен которого стояли большие холодильники стального цвета. Мерно гудели кондиционеры. В одном углу в ряд выстроилось три умывальника — раковины какого-то неестественно молочного цвета — а в центре помещения на двух каталках лежали нагие и мертвые теща и тесть, то есть, стало быть, Зоя Эльдаровна и Глеб Семеныч.

КЛАДБИЩЕ ВЕДЬМ

— Вы, наверное, давно не общались с тещей, раз ничего о ней не знаете,— произнес врач.— Плохо это. Родственные связи надо беречь. Я вот с внучкой теперь каждый день вижусь.

Грибов сглотнул, ощущая сладковатый привкус в горле. Перед глазами поплыло, и он оперся о дверной косяк, чтобы не упасть.

— А разве на опознании не должно быть еще и полицейских, я не знаю. Или как-то прикрыть их... ну, чтоб одни лица...

— Оставьте эти формальности,— отмахнулся врач.— Оно вам надо? Американских фильмов, блин, посмотрелись. Я вам даже больше скажу — уже давно все опознаны. Говорю же, Зою Эльдаровну много кто знал. Чего же тут непонятного? А вы здесь, чтобы я спокойно галочку поставил и домой пошел. Бюрократия.

Грибов сглотнул еще раз. Мимолетно подумал, что надо было привезти сюда Надю. Это же ее мама, так вот пусть и любовалась бы. А то как дочь в Шишково на лето везти — это Грибов; по телефону перед бабушкой оправдываться — тоже он; труп, значит, смотреть — куда же без мужа? А сама?

Проблема в том, что Надя никогда и ничего не делала сама.

— Вы в порядке? — донеслось сквозь туман в голове.— Только пол мне не заблуйте, умоляю.

— Да... да.— Грибов сосредоточился, вглядываясь в тела.

С головой у Зои Эльдаровны было что-то не так. Лопнувшая тыква, а не голова. Глубокие вмятины и выступы, разорванная кожа, потемневшие трещины — извилистые угловатые провалы, клочки седых волос... Сложно было узнать в том, что лежало на столе,

симпатичную полноватую женщину, курносую, с морщинками вокруг глаз.

Зоя Эльдаровна умела варить отличный борщ, мимолетом вспомнил Грибов, а еще гадала на картах, предсказывала судьбу, знала миллион историй о жителях поселка и любила выпить. Нагадала она как-то Грибову проблемы на работе, велела остерегаться кого-то, кто над головой сидит, — и ведь все верно вышло. Не придерешься.

Он моргнул, разгоняя темноту перед глазами.

...Рыхлое желтоватое тело, темные складки, большой безобразный живот с крупными извилистыми синими венами, развалившиеся в стороны полные груди, черные пятна на локтях, на дряблой коже рук и ног... и лицо... хрен разберешь, она — не она. В свете люминесцентных ламп — неодушевленный предмет, расплывшийся, желтовато-синеватый, изуродованный.

Грибов старался дышать неглубоко, хотя казалось, что даже через рот вползает холодный, мерзкий запах.

— Это Зоя Эльдаровна Ромашкина... Он ее топором, да?

— Как видите. Четыре раза. Сложно было выжить. Если вас это как-то утешит, то вверх ногами ее подвесили уже мертвой.

— Да уж, утешили.— Грибов прищурился.— А это... вроде бы Глеб Семеныч. Похож.

Темнобородый, костлявый, дряхлый. Шестидесять лет человеку, а кажется, что все девяносто. В жизни выглядел моложе, а сейчас словно бы стал меньше, съежился, скорчился. Тощий мертвый старик. Кожа на лице и на теле вздулась волдырями, покрылась струпьями, кое-где сползала полупрозрачными лоскутами. Простыня под телом промокла и сделалась желтой.

КЛАДБИЩЕ ВЕДЬМ

— От чего умер?

— Пока сложно сказать. Предварительно — сердечный приступ. Не выдержал, знаете ли, стресса.

— А бывает такое? Чтобы сердечный приступ, как по заказу?

— Всякое бывает,— пожал плечами врач.— У меня один пациент умер от того, что сел голым задом на включенную электрическую плиту. Сердце остановилось от испуга. Такие дела... В общем, опознание спешу считать успешным. Пойдемте. Не дай бог побывать у нас еще.

— Да уж.— Грибов заторопился из комнаты, часто сглатывая, чтобы удержать рвущийся из желудка обед.

Когда вернулись обратно в кабинет, воздух показался Грибову невероятно вкусным и насыщенным. До головокружения.

Полицейский составил протоколы опознания, дал прочитать, попросил расписаться там, где галочки, потом отдал Грибову ключи от дома, под роспись. Спросил:

— Вы не знаете, они часто ссорились?

— Я был в этом доме год назад,— ответил Грибов.— Знаете, мы редко к ним ездили. Я привозил дочку пару раз в год, на неделю. Раз завез, второй раз — забрал. Вроде бы всё как обычно было. Ну, она приготовила суп с лапшой, он самогон поставил на стол. Глеб самогон хороший варил. Насколько помню, ни разу друг на друга голос не повышали, не спорили.— Он подумал и добавил: — Мне кажется, Глеб Семеныч просто спился. Прикладывался он много. Спирта наварит и сам же пробует. А варил он будь здоров. На весь поселок, наверное. И в какой-то момент что-то у него в голове щелкнуло.